

КАРЛ БИЛЛИНГЕР

АРЕСТАНТ

№ 880

(Перевод с немецкого)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР СССР
МОСКВА

1985

Редактор Д. Вайсбард. Техред. А. Лойгерштейн.
Обл.—фото-монтаж Дж. Гартфильда, оформ. худ. Шмидт.
Сдано в набор 26/VIII. Подписано к печати 17/IX
Формат бумаги 62 x 93/32. П. л. 1 1/2. Знаков в 1 л. 44000.
Уполн. Главлита Б—10705 Тираж 30000 Заказ 892

Типография «Дер Эмес», Москва, Покровка, 9

От издательства

Настоящая брошюра представляет собой перевод первой главы книги «Арестант № 880», вышедшей в Париже на немецком языке. Автор ее—Карл Биллингер, германский коммунист, которому пришлось пройти сквозь все муки фашистских застенков Германии. В своей книге он просто и правдиво описывает день за днем все, что он видел и пережил во время пребывания в доме пыток «Колумбия» (берлинская «распределительная» тюрьма особого назначения, находящаяся в ведении Гестапо — тайной государственной полиции) и потом в течение 8 месяцев в концентрационном лагере Губертсгоф, по выходе из которого ему удалось бежать за границу.

В данное издание входит лишь одна глава этой книги — «Колумбия», но и эта одна глава дает яркое представление о чудовищных зверствах германского фашизма и является потрясающим антифашистским документом.

28 суток, проведенных автором в «Колумбии», это сплошная цепь нечеловеческих мучений и неслыханных издевательств. Все, что описано им, не случайное явление; все, что творится в «Ко-

лумбии», не является только результатом разнузданности и свирепых нравов кучки охранников,— это **система**. Система, рассчитанная на моральное и физическое истребление революционного пролетариата и лучших представителей трудящейся интеллигенции. Система, в которой все заранее с хладнокровной жестокостью точно предусмотрено и рассчитано. Эта система, широко практикуемая германским фашизмом, неразрывно связана с существованием фашистской власти.

«Фашистская диктатура буржуазии—это власть свирепая, но непрочная»—говорил тов. Д и м и т р о в на VII всемирном конгрессе Коминтерна. Книга Биллингера как нельзя лучше подтверждает правильность этих слов. Не может быть прочной власть, опирающаяся на тот дикий, разнузданный террор против трудящихся, частица которого описана в этой книге. Не может быть прочной власть, о действиях которой даже читать нельзя без содрогания, без чувства омерзения, гнева, возмущения.

Ни политика демагогии и обмана народных масс, ни система жесточайшего террора не могут обеспечить фашизму длительного господства.

«...Победа фашизма вызывает глубокую ненависть и возмущение масс, способствуя их революционизированию, и дает могучий толчок единому фронту пролетариата против фашизма». (Из доклада т. Д и м и т р о в а на VII всемирном конгрессе Коминтерна).

Пролетарии Германии — культурнейшей страны, ставшей очагом реакции, пролетарии той страны, где родился Маркс, где существовали ста-

рейшие организации рабочего класса, не могут стать рабами. Обманутые вождями II интернационала, социал-демократические рабочие Германии пошли по неверному пути — пути сотрудничества с буржуазией, пути реформизма; они не сумели дать своевременный отпор фашизму. Но теперь они убеждаются в том, что путь этот был гибельным.

Под ударами фашистского террора, в удушливой атмосфере воинствующей реакции рабочие Германии вновь начинают чувствовать себя единым революционным классом, стоящим лицом к лицу со своим смертельным врагом — капиталом. С каждым днем проясняется их сознание, и все более внимательно прислушиваются они к голосу коммунистической партии, указывающей им путь борьбы, путь победы над фашизмом. Мужественная, самоотверженная работа коммунистов дает свои плоды, их героический пример заражает социал-демократических и беспартийных рабочих.

И если вначале коммунисты и социал-демократы и в тюремной камере занимались взаимными упреками и грызней (что удачно показано Биллингером в сцене между коммунистом Гансом и социал-демократическим рабочим М.), то чем дальше, тем больше они стали находить общий язык; чем дальше, тем больше социал-демократические рабочие убеждаются в неправильности пути, по которому вели их вожди социал-демократии; чем дальше, тем решительнее встают они на путь единого фронта, тем увереннее поворачивают они к коммунизму.

В последующих главах своей книги Биллингер показал, как коммунисты, находясь в концентрационном лагере, ведут и там свою работу, и не только среди социал-демократов и беспартийных, но даже среди охранников — рядовых фашистов, как они, не страшась пыток и казни, ведут и здесь агитацию против фашизма, против войны, в защиту Советского союза.

Каждый мопровец должен прочитать эту книгу, чтобы представить себе, в каких условиях борется героический германский пролетариат, и еще больше осознать, какие огромные задачи стоят перед МОПР в деле борьбы против фашизма и террора, в деле укрепления антифашистского фронта трудящихся всего мира.

„КОЛУМБИЯ“

Мое положение становилось нестерпимым. За последнюю неделю я по некоторым признакам стал замечать: улица находится под полицейским наблюдением. Коренастый мужчина, в котором за двадцать шагов можно было узнать агента тайной полиции, то-и-дело шнырял возле нашего дома.

Однажды утром я видел, как он выходил из квартиры управляющего, в другой раз я заметил, что он стоит возле соседнего дома и беседует с швейцаром.

Я решил покинуть квартиру, как только мне удастся передать новый адрес товарищу, держащему связь с подрайонным руководством. Тем временем я удвоил предосторожность.

17 июля в 5 часов утра в квартире раздался звонок. Я тихо встал и сжег документы, лежавшие наготове в комнатной печи. В дверь стали стучать.

— Открыть!

Я не шевелился. Стук усилился.

— Открыть! Полиция!

Я подождал, пока пламя догорело и пепел остыл.

После этого я открыл дверь своей комнаты и спросил заспанным голосом:

— В чем дело?

— Откройте! Тайная государственная полиция.

Я еще раз огляделся. Все в порядке. Я направился к входной двери и отпер.

За дверью стоял шпик.

— Господин Биллингер?

— Да.

— Разрешите с вами поговорить.

— Пожалуйста.

Он вошел в коридор. За ним неожиданно вынырнул второй, притаившийся на лестнице.

Сотни раз я представлял себе сцену моего ареста и обдумывал, как мне при этом держаться. Все произошло очень просто. Только на одно мгновение у меня мелькнуло: все это мне только кажется, этого нет на самом деле.

— Вы проживали раньше на Вальштрассе?

— Да.

— В последнее время вы работали в качестве служащего в торговом доме Грюн?

— Да.

— Тогда все в порядке. Предъявите, пожалуйста, все материалы, связанные с вашей нелегальной партийной работой.

Я сделал изумленное лицо.

— Как вы сказали?

— Не создавайте нам трудностей. Мы вполне осведомлены. Вы продолжали нелегально работать в компартии и имеете в своем распоряжении определенные материалы.

— Мне ничего неизвестно ни о какой нелегальной работе, и у меня нет никаких запрещенных материалов. Пожалуйста, убедитесь сами.

В течение двух часов они обыскивали квартиру. Они перерыли библиотеку, разобрали установку в уборной, просеяли золу из кухонного очага, опорожнили помойное ведро и пересыпали пакет соли в горшок.

Один из них принялся рассматривать список участников наших курсов, зашифрованный в виде счета из молочной. Я следил за обыском совершенно безучастно, словно не имел ко всему этому никакого отношения. После бесплодного обыска они предложили мне следовать за ними, не говоря куда.

Мы двинулись. Я шел посередине, они — по бокам. Каждый из них держал руку наготове в кармане. Так привели они меня к станции метрополитена. Наш вагон был полон. Мелкие дельцы, рабочие, штурмовики в форме. Никто не замечал, что я сижу арестованный между двумя полицейскими агентами. Я подумал — не бежать ли мне? Но я хорошо знал, что мне предстоит в случае, если меня поймут.

На Потсдамерплац мы вышли. Итак — Гестапо¹. Принц-Альбрехтштрассе, 18. Вблизи здания Гестапо толпились тайные агенты, охранники, полицейские. Агенты были в штатском, очевидно с целью внешним образом ничем себя не выдавать. Они даже не имели знака свастики² на

---

¹ Государственная тайная полиция.

² Свастика — фашистский знак (изображение креста с загнутыми концами).

отвороте, а если приветствовали друг друга на улице, то только едва заметно приподнимая руку.

Перед зданием стоял двойной пост караульных из охранников. Внутри в каждом коридоре стоял на часах охранник. Доставившие меня агенты повели меня вверх по широкой лестнице — выше, еще выше, пока, наконец, мы не очутились под крышей. Здесь они втолкнули меня в угол и велели ждать.

Я использовал время на то, чтобы еще раз наметить твердую тактику. Я обдумывал, какие мне могут быть заданы вопросы и что мне на них отвечать, о чем можно говорить, не выдавая товарищей и не вредя партии. В моих часах лежал адрес одной сочувствующей, с которой я виделся накануне; я разорвал и проглотил кусочки. Пока все в порядке. И только мысль о списке 180 товарищей из антифашистского боевого союза, оставленном в квартире, лежала тяжелым камнем у меня на сердце.

Через полчаса один из двоих агентов вернулся с пишущей машинкой. Несколько раз он тщетно вызывал по телефону машинистку и в конце концов сел за машинку сам.

— Предлагаю вам еще раз говорить всю правду. Мы следили за вами в течение четырех месяцев. Вот ваше дело.

Он указал на толстую папку, лежавшую перед ним.

— Вы коммунист?

— Я был членом компартии Германии.

— С каких пор?

— С 1923 года.

Он с трудом выстукивал указательным пальцем букву за буквой.

— Итак, вы отрицаете свою принадлежность к нелегальной компартии Германии?

— Так точно.

— Какую работу вы выполняли в партии?

— Незначительную. Я занимался исключительно теоретическими вопросами, и на практической работе меня не использовали.

— Вам приходилось выступать на собраниях?

Я припомнил два собрания, на которых полиция установила мое имя.

— Дважды, в прениях.

— Вы ездили в Россию?

— Да. (На моем паспорте имелась советская виза).

— Что вы там делали?

— Я работал инженером на Ленинградском электротехническом заводе.

— Кроме того вы работали в советской военной промышленности?

— Нет.

— Вы участвовали в насильственной коллективизации немецких крестьян на Волге?

— Нет. Я никогда не был на Поволжье.

— Вы находитесь в приятельских отношениях с болгарским студентом, относительно которого безусловно установлено, что он связан с тремя болгарскими поджигателями рейхстага?

— Я незнаком ни с какими болгарскими студентами.

Указательный палец стучал.

— Опорожните свои карманы.

Я повиновался. Он перерыл мой бумажник и прочел письма моей матери, которые я носил при себе.

— Ага! Значит вы намеревались вернуться в Советский союз?

— Нет.

— Удостоверьтесь, — он торжествующе сунул мне письмо, в котором мать просила меня заехать к ней перед отъездом в СССР.

Но письмо было от 1931 года и, на мое счастье, на нем имелась точная дата. Агент с досадой отложил его в сторону.

— В какой ячейке вы работали?

— Я числился в прежней ячейке номер 2 026.

— Кто был политическим руководителем?

— Некий Рудольф.

— Вы отказываетесь сообщить нам его фамилию?

— Я ее не знаю. Все руководящие товарищи в нашей ячейке были сменены в январе, и партия постановила, чтобы товарищи назывались только одним именем без фамилии.

— Где он находится в настоящее время?

— Я видел его в последний раз в январе. Мне неизвестно, где он живет.

Он насмешливо посмотрел на меня.

— Здесь, у нас, ваша память безусловно освежится. Следуйте за мной.

Он повел меня по коридорам и лестницам к двери, на которой была приклеена надпись:

«Караул охранного отряда».

Со словами «Здесь будете ждать» он втокнул меня в комнату.

Я очутился в большом помещении, похожем на зал. Прямо против двери сидели за столиком охранники; они играли в карты и пили пиво. На столе перед ними лежали револьверы и резиновые дубинки. Они не обратили на меня внимания. У левой стены на скамьях, покрытых мешками с соломой, спали охранники.

Когда я посмотрел направо, сердце мое сжалось. Там лицом к стене стояло около 30 арестованных.

Охранник, на вид не старше 20 лет, расхаживал возле них взад и вперед.

— Ты что, не можешь стоять смирно, дерьмо, когда приказано «смирно»?—заревел он на старого человека, стоявшего в ряду арестованных, и ударил его изо всей силы сапогом в спину. Старик стукнулся головой о стену и свалился. Охранник схватил его за шиворот, рванул кверху и ударил кулаком в лицо.

— Для коммуны ты не был стар, собака!...

Старик не ответил ни слова. Остальные стояли, как каменные.

— А ты чего торчишь тут, телятина? — заорал он внезапно на меня.

— Сюда, и не шевелись!

Позади нас в зале охранники из караула, сидя за столом, играли в карты. В комнату входили курьеры, караульные сменялись. Сменившиеся бросались на скамьи. Телефон звонил непрерывно. Каждый разговор по телефону начинался и кончался возгласом «Хайль Гитлер!».

Непрерывно прибывали новые арестованные. Большинство входило в караульную, не здороваясь. Некоторые пытались держаться по-военному, подымали руку и даже произносили «Хайль Гитлер».

Один из арестованных, стоявший справа от меня вторым, начал тихо хрипеть. Я попытался взглянуть на него, не поворачивая головы. Это был крепкий парень лет 25, судя по одежде — рабочий. Он был смертельно бледен. Вдруг он зашатался и всей тяжестью рухнул на пол. Караульные разговаривали с играющими в карты и не заметили происшедшего. Через несколько минут в помещение вошел еще один охранник и, увидев лежащего на полу человека, заорал:

— Ты, свинья, не думаешь ли ты здесь выспаться?! А?!

Он бросился на арестованного, рванул его, поднял и изо всех сил ударил его кулаком в лицо. Кровь брызнула у рабочего изо рта и из носа. Первый охранник, отойдя от карточного стола, закричал:

— Ты не напился-ли, бродяга?

Вместе они принялись бить и топтать ногами стонущего человека по животу, спине, по лицу — куда попало.

Рабочий поднялся и попробовал стоять. Голова его бессильно падала на грудь, ноги не держали его. Чтобы не упасть снова, он цеплялся ногтями за известь стены. Было слышно, как ногти его царапают стену. Он свалился, как мешок.

Один из игроков встал и что-то шепнул двоим, собиравшимся снова наброситься на лежавшего.

Я расслышал слова: «Доставлен сегодня утром — тяжело обработан».

После этого они отошли от своей жертвы, оставив ее лежать на полу.

Около 12 часов за дверью в коридорах раздались громкие разговоры, оклики, беготня. Дверь распахнулась, и несколько охранников ворвались с громкими криками.

— Вот проходимец, когорый изображал сопровождающего!

Из вопросов и ответов мы поняли, что в руки тайных агентов попал грузовик с нелегальной литературой.

— Чорт возьми, я ведь знаю его! Ты уже был здесь у нас?

— Да,— отвечал юношеский голос.

— За что тебя арестовали в первый раз?

— За то, что я будто бы раздавал летучки.

— А в этот раз?

— Я стоял на углу Мюллерштрассе и Зеештрассе, какой то шофер предложил мне 3 марки, если я проеду с ним в один конец.

— Рассказывай сказки! Ведь ты отлично знал, что в этих ящиках!

— Нет, он мне ничего не сказал. А я не спрашивал— я был доволен, что заработаю.

— Эх, парень,— сказал охранник постарше,— зачем ты сделал это? Теперь и прежним твоим показаниям никто не поверит. Теперь тебе раз и навсегда конец.

Юноша ответил не дрогнувшим голосом:

— Я со школьной скамьи безработный. В трудовой лагерь меня не взяли, потому что я был комсомольцем. Что же мне остается делать?

Вместо ответа один из охранников свалил его ударом на землю. Пожилой охранник, которому, повидимому, было жаль парнишку, сказал спокойно:

— Макс, не расходишь!

Несколько экземпляров захваченной летучки ходили по рукам.

Один из охранников прочел вслух надпись на обложке:

«Самооборона — это воздушная оборона! — Слово доктора Геббельса ко всем жителям Берлина».

— Этакие негодяи! Перелистай-ка дальше,— сказал другой охранник. Первый раскрыл книжечку и прочел, запинаясь:

«Зверское убийство товарищей из «Республиканского флага»¹ и «Союза красных фронтовиков»² гитлеровскими коричневыми бандитами

---

¹ „Республиканский флаг“—полувоенная организация бывших участников войны и республиканцев, созданная в Германии в 1924 г. и работавшая под руководством социал-демократической партии. После фашистского переворота 1933 г. члены этой организации, особенно пролетарские элементы, стали подвергаться преследованиям.

² „Союз красных фронтовиков“—боевая пролетарская организация, созданная в Германии в 1924 г. и представлявшая собой мощную опору коммунистического движения. Была запрещена еще социал-демократическим правительством в 1929 г., но продолжала существовать нелегально. В фашистской Германии против красных фронтовиков направлен самый свирепый террор.

в Новавесе. Документальный отчет, изданный Берлин-Бранденбургским окружным комитетом компартии Германии».

С удвоенной яростью охранники набросились на юношу, не проронившего ни звука.

Так стояли мы до 7 часов вечера, некоторые с 4 утра,—руки по швам, выгнув колени, сомкнув каблуки, вперив взгляд в белую штукатурку стены. Чтобы избежать головокружения, я выбрал маленькую черную точку, стараясь на ней сосредоточить взгляд. В таком положении, не видя того, что творится за нами, мы познали первые «воспитательные» приемы «Третьей империи».

В 7 часов вечера один из палачей сказал:

— Все отделение—направо кругом! Шагом — марш!

Нас погнали бегом через длинный коридор — во внутренний двор, где стояло наготове несколько полицейских грузовиков. «Зеленая Минна»¹ захлопнулась, и машины загромыхали. В одной стенке было решетчатое оконце, пропускавшее тонкий луч света. Я пытался по мелькавшим мимо нас названиям улиц установить, куда нас везут. Уличное движение на мгновение задержало нашу машину, и я получил возможность ориентироваться. Мы находились у Галлешес Тор и направлялись к югу. Следовательно, нам предстояло попасть либо на Генерал-Папештрассе, либо в Колумбия-хауз.

После получасовой езды колонна автомоби-

---

¹ „Зеленая Минна“—так в Германии называют закрытый автомобиль для перевозки арестованных.

лей остановилась. Прямо перед нашим окошечком виднелось название улицы: «Колумбия-штрассе».

Мы находились на Темпельгофском аэродроме перед зданием пресловутой бывшей военной тюрьмы, которую охранные отряды приспособили под один из своих застенков. Дверцу нашей машины рванули:

— Выходи!

Пинками и ударами сапог нас погнали и втокнули в коридор первого этажа, где мы должны были выстроиться по росту. Одного за другим нас загоняли в комнату, дверь за вошедшим немедленно закрывалась.

Пока оставшиеся ждали, охранники забавлялись, описывая нам предстоящее испытание.

— Следующий! — два охранника втокнули меня в комнату.

За столом сидел чин из охранного отряда. Другие стояли вокруг него.

Сначала он записал мои приметы. Затем я должен был отдать все, что при мне имелось: шляпу, пальто, часы, носовые платки, самопишущее перо, перочинный нож, шнурки от ботинок.

Все эти вещи были отмечены на печатном бланке и вложены в бумажный мешок.

В глубине души я уже надеялся, что опасность миновала. Но вдруг увидел, что охранник у стола перелистывает бумаги:

— Итак, ты не можешь вспомнить имя своего политруководителя, — сказал он дружелюбным тоном. И вдруг взревел, как бык: — Ты, видно,

считаешь нас дурачками, сволочь ты этакая! Имя?!

Я почувствовал, что страх совершенно покинул меня. Только мозг мой работал и регистрировал сыпавшиеся на меня удары. Затем меня подняли с пола.

Сидевший за столом сказал с приятной миной:

— Завтра увидимся еще раз. Ты еще все нам расскажешь, голубчик.-- И снова заорал, как бык:— Вон, мерзавец!

Меня выбросили за дверь.

— Следующий!

Нас перевели в другой коридор, где мы ждали, пока кончится допрос всех арестованных в этот день. Караульные, расхаживавшие взад и вперед, громко разговаривали:

— Что, эта собака № 62 еще жива? — спросил один.

— Его только-что отвезли в городскую больницу.

— А баррикадный Август?

— Заболел триппером¹.

— Что ты делаешь сегодня после службы?

— За мной зайдет малютка. Больше не вытерпеж. Три дня не выходил.

Проходя мимо, караульный задержался перед одним из арестованных.

---

¹ О заключенных, получивших в результате истязаний повреждение почек или половых органов, объявляли, что они заболели триппером (точно также о тех, кому сломали ребро или вывихнули руку, говорили, будто они упали с лестницы, и т. д.)

— За что попал сюда?

— Не знаю.

— Еврей?

— Да!

— И ты еще не знаешь, за что сюда попал, ассирийский сын пустыни? Я особо навещу тебя сегодня вечером.

Поздно ночью нас привели в камеры. Охранники воспользовались случаем, чтобы еще раз избить нас. Шедшие позади охранники напирали на нас и наступали нам на ноги тяжелыми сапогами, тесня нас и заставляя нажимать на передние ряды, а охранники, шедшие впереди, били нас кулаками и кожаными плетками по лицам.

В длинном незанятом корпусе здания стража открывала одну камеру за другой.

— Номер 876! — Здесь. — Дверь захлопнулась.

— Номер 877! — Здесь.

— Номер 878!

— Номер 879!

— Номер 880!

Уже находясь в своей камере, я слышал еще номера: свыше девятисот. Затем все смолкло. Время от времени в коридоре раздавались шаги стражи.

Я двигался ощупью в темноте. Четыре шага от двери до задней стены, два с половиной шага поперек. В правом углу стоял деревянный табурет — единственный предмет, который мне удалось обнаружить. Через решетчатое окно под потолком виднелся бледный клочок ночного неба. Хотя я не ел целый день, я не чувствовал ни голода,

ни усталости. Все силы организма, казалось, сосредоточились в голове, и мысли бежали безостановочно.

Каким образом Кэтэ узнает о моем аресте? Как она примет это известие? Сумеет ли держаться спокойно и мужественно? Не наделает ли глупостей по свойственной ей запальчивости? Только бы не нашли список! Никто не знает, куда он спрятан. Но они могут разломать всю мебель и найти его. Они, конечно, вернутся в квартиру и еще раз перевернут все вверх дном. Я не перенесу этого, — тогда останется только самоубийство.

Я цеплялся за эту мысль, как будто смерть моя могла исправить мою оплошность.

В коридоре раздались шаги.

— Где он?

— В камере 128.

Они прошли мимо моей двери. Дальше внизу раскрылась и захлопнулась дверь камеры.

Отчаянный крик донесся снизу. Затем долгий, протяжный хрип, еще и еще.. Они душили человека, чтобы не дать ему кричать.

Через некоторое время дверь внизу открылась, и я услышал, как они зарычали:

— Вниз!.. В подвал!

Грохот по лестнице, и снова тишина, пока снизу не донеслись стоны пытаемого. Мне никогда до тех пор не приходилось слышать, как мужчины кричат и плачут. Это было ужасно.

Я зажал уши, чтобы ничего больше не слышать.

В 6 часов утра нас заставили полуобнаженными выстроиться в коридоре по росту.

— Направо кругом марш!

Возле лестницы мы встретились с арестованными из других корпусов.

— Шаг на месте!

Сквозь шум от топота ног я расслышал шопот моего соседа.

— Давно здесь?

— Со вчерашнего дня.

— Как на воле?

— Все спокойно.

— Партийный?

— Да. А ты?

— Ясно!

— С каких пор здесь?

— Девятая неделя.

На узком пролете лестницы нас разъединили. Мой сосед слева был доставлен вчера вместе со мной. Он только нагнул голову, чтобы шепнуть мне что-то, как один из охранников, стоявший выше нас на лестнице и незаметно наблюдавший за нами, хлестнул длинным артиллерийским кнутом.

— Если я еще раз увижу, что вы, мошенники, болтаете, вы оба попадете в подвал.

Удар кнута пришелся парню прямо поперек лица.

У ограды, в конце двора, в углу, была вырыта яма. Через нее было перекинута длинное бревно: это было отхожее место. Здесь, сидя тесно друг возле друга, десять человек сразу отправляли свои естественные потребности. Ожидающие

очереди стояли перед ними, выстроившись в ряд. Я воспользовался представившейся возможностью разыскать знакомые лица. В первом же ряду я увидел Эрнста. Он был смертельно бледен. Длинные клочья бороды искажали его тонкое лицо. Ни одна жилка не дрогнула на наших лицах, когда мы взглядом едва заметно приветствовали друг друга.

В течение трех недель родные разыскивали его, не зная, что с ним случилось, жив ли он.

Он работал ассистентом в научно-исследовательской лаборатории; мне было известно, что он играл видную роль в издании нелегальной газеты. Еврей, интеллигент, коммунист—арестован во время подпольной работы! Казалось, от его лица остались одни глаза, серьезные и печальные глаза мудреца.

— Встать!

Застегивая брюки, один из арестованных кашлянул за моей спиной. Я обернулся, делая вид, что привожу в порядок свою одежду, и увидел юношеское лицо Ганса. Он сощурил, как обычно, левый глаз и, не удержавшись, пробормотал сквозь зубы:

— Красота, нечего сказать!

Я тотчас же перестал чувствовать себя одиноким. Ганс — здесь! Ганс, с которым я годами работал вместе в революционном движении, самый неустрашимый и закаленный антифашистский боец моего подрайона. Я почувствовал новый прилив надежды.

После отхожего места — «медвежий танец».

— Рядами направо, марш!

— Длительный бег — марш, марш!

Один за другим мы бежали кругом по узкому двору. Кругом, все время кругом.

На-бегу я продолжал искать знакомые лица, но безрезультатно.

Двое пожилых заключенных выступили из рядов — они не могли продолжать. Тотчас возле них очутился дежурный руководитель отряда.

— Вперед! Марш, марш!

Оба заключенных побежали дальше. Но пробежав круг, один из них свалился. Руководитель поднял его градом ударов:

— Приседание! Ниже, еще ниже, немного выше. Теперь правильно. Руки вперед!

Дрожащему от утомления человеку он положил полено на напряженно вытянутые руки.

— Вот видишь, всему этому ты обучаешься у нас бесплатно. Никогда не поздно стать хорошим немцем.

— Я не могу больше, у меня больные легкие, — сказал заключенный.

— Пустяки! Больные легкие! При коммуне это тебе бы не мешало, старая свинья?!

После длительного бега нас заставили мыться у насоса — без мыла и полотенец. Новичкам выдали рубашки «болле», названные так за сходство с формой служащих берлинской молочной фирмы Болле.

В 7 часов раздавали «кофе» — коричневую жижу — и к ней кусок хлеба, слегка помазанный салом.

Так как у меня в камере не было кружки, то я не получил кофе. Я съел свой ломоть и занялся

исследованием камеры! Известь на стенах была кругом исцарапана счетными палочками. Большинство из них было выцарапано ногтями. Некоторые группы палочек были начертаны тщательно и ровно, как колонки цифр в бухгалтерской книге.

Больше всего было недельных календарей. Шесть зарубок, перечеркнутых седьюю. Я насчитывал 14 недель, 18 недель, один раз 42 недели, один раз 9.

Но наряду с этим имелись и усовершенствованные счетные системы. Зная день своего прибытия, заключенный отсчитывал первую неделю до воскресенья, затем под нею отмечалась следующая, день за днем:

Эта таблица, например, обозначала, что заключенный прибыл в пятницу и покинул камеру в четверг на шестой неделе.

Справа, наверху на стене, было сказано кратко: «3¹/₂ года». В левом углу возле двери было нацарапано неуклюжими буквами: «Рот фронт живет!»

Я разыскал на стене маленькое нетронутое местечко и нацарапал первую черту. Это было в субботу.

Легкий шорох у двери напомнил мне о том, что из коридора за мной наблюдают. Я медленно пошел к табурету. Железная крышечка «волчка», которую перед тем осторожно приподняли, громко

задребезжала, падая обратно. Дверь открылась, и охранник из караула вошел. Я встал.

— Почему ты не рапортуешь?

Я не понял смысла этого вопроса и стоял молча. Лицо его покраснело от ярости.

— Тебе в мозги наложили, что-ли? Ты не знаешь порядков этого дома?

— Нет.

— Выходи. Длительный бег! Марш, марш!

Я побежал по коридору. В конце его, на подоконнике, сидел тюремный сторож.

Я остановился, ожидая нового приказа.

Тюремщик размахнулся и ударил меня тяжелой связкой ключей в лицо:

— Обратно, марш, марш!

Так бегал я взад и вперед между караульным и тюремным сторожем; каждый встречал меня ударом кулака, а когда я поворачивался — бил меня сапогом в спину.

— Теперь ты знаешь порядки этого дома?

Что мне было отвечать? Если я скажу «нет» — они будут меня избивать. Если я скажу «да», то при малейшей ошибке они избьют меня еще сильнее.

— Я только вчера прибыл.

После этого дежурный охранник снизошел до объяснения: как только открывается дверь, я должен стать у задней стены и, вытянувшись по-военному, рапортовать имя, номер и причину моего ареста.

— Понятно?

— Да.

— Говори «Так точно», сволочь! Ну!

— Так точно.

Он направился к другим заключенным.

Окно моей камеры выходило на юг, и с десяти часов утра узкий солнечный луч играл на стене. Стояло чудесное лето.

Мне было слышно, как на Темпельгофском аэродроме взлетали и садились самолеты. Иногда мне удавалось увидеть в узкий прорез решетчатого оконца пролетающую машину.

Со двора доносились выкрики охранников. Въезжали машины. Приказания, беготня, телефонные звонки...

Мало-по-малу я почувствовал усталость. Я подвинул табуретку на солнце и заснул в изнеможении. Скрежет железной створки на «волчке» испугнул меня. В ту же минуту моя дверь распахнулась.

Я рапортовал:

— Биллингер. Номер 880. Коммунист.

— Ты что, не знаешь, дерьмо, что днем не смеешь спать! — заорал новый часовой, только-что сменивший предыдущего, и затем скомандовал:

— Приседание!

Я приседал. Этот негодяй с точностью до миллиметра знал, когда нога и носок острее всего напряжены. В этом положении он оставлял меня, выходил и захлопывал дверь. К счастью, я имел возможность следить за «волчком». Когда он был закрыт, я опускался на каблуки; как только слышался подозрительный шорох за дверью, я поднимался на носки. Так он продержал меня в течение получаса. Затем он снова вошел.

— За что ты попал сюда, мерзавец?

— Я был членом компартии Германии.

— До каких пор?

— До «национальной революции».

— И ты еще смеешь это говорить! — заревел он и ударом под подбородок сшиб меня с ног.

На обед давали картофельную похлебку. Походная кухня стояла во дворе. Нас повели вниз. Проходя мимо закрытых дверей, я видел на них надписи мелом. На некоторых было написано: «Внимание!» На многих был наклеен красный крест с припиской: «Триппер». На дверях угловой камеры в одном из коридоров я прочел: «Свет должен гореть всю ночь—Проверка через каждые 10 минут—Запрещено ложиться».

После обеда я услышал команду нашего караульного:

— Певцы! Выкидывайте флаг.

В ряде камер открылись двери, и через несколько минут внизу во дворе раздался многоголосый хор. Пели: «Аннхен из Парау мне очень приглянулась», «Вот едут три рыцаря со двора», «Если у тебя еще есть мать».

Около 7 часов вечера я услышал, как открылись и снова закрылись камеры в моем коридоре. Мимо моей двери прошли, не останавливаясь.

Через полчаса караульный крикнул:

— Кому в отхожее? Выкидывай флаг!

И снова открылись камеры, и я услышал, как группу заключенных выпустили во двор.

Когда они вернулись, раздалась вторая команда:

— Кому мочиться? Выкидывай флаг!

Прежнее движение.

Так докатился медленно первый день до конца, и медленно дошло до моего сознания: прошел первый день.

В 8 часов свет погас. Я подложил под голову куртку и пытался уснуть, но то-и-дело вздрагивал и просыпался. Не знаю, сколько времени я так пролежал. Вдруг я услышал: в конце коридора открылась дверь камеры. Голоса караульных. Затем крик, рев, удары, вопли. Бумм!..—дверь защелкнута, распахивается следующая. Все ближе и ближе. С нарастающим ужасом я насчитал, что эта сцена повторялась семнадцать раз.

Затем настал мой черед.

— Биллингер. Номер 880. Коммунист.

— За что попал сюда?

— Я был членом компартии Германии.

— До какого времени?

— До национального правительства.

— Рассказывай! Ты работал в подполье!

— Нет.

— Врешь, собака!

Они били меня по голове до тех пор, пока я не свалился. Ударом сапога они привели меня в чувство. И снова побоями свалили на пол. Позднее я узнал, что эти ночные обходы входят в систему судебного следствия. Система эта рассчитана на то, чтобы во что бы то ни стало с самого начала предварительного заключения морально сломить заключенного.

Обходы повторялись регулярно при каждой смене караула.

Когда я ночью попросил дать мне одеяло или мешок с соломой, охранник — парень, которому едва ли было больше двадцати двух лет, — пришел в неистовство.

— Может быть, я должен тебе еще зад подтирать, коммунистическая свинья?!

В наказание за мою наглость, за то, что я осмелился обратиться к нему, он велел мне снять штаны, башмаки и чулки. Цементный пол моей камеры был так холоден, что о сне больше не приходилось и думать.

На четвертый день после обеда меня повели к следователю. Его кабинет находился в третьем этаже. Пока я подымался по лестнице, караульный подгонял меня ударами сапога в спину.

— Немножко живей, молодой человек! Времени у нас не так много.

Следователь — офицер охранных отрядов — в мирном быту мог бы быть и мясником и торговым агентом, и судебным чиновником. Он повел допрос вполне целеустремленно.

— Еврей?

— Нет.

— Коммунист?

— Да.

— Член союза красных фронтовиков?

— Нет.

— Еще раз: член союза красных фронтовиков?

— Нет.

Он откинулся в кресле и произнес спокойно:
— Пятьдесят

Два охранника, стоявшие позади меня, схватили меня и поволокли в подвал. Там уже дожидалась

дежурная «подготовительная команда». Из ванны были вынуты мокрые хлысты. Вымоченные предварительно, они лучше хлещут.

— Снять штаны!

Я не двигался.

Через секунду я уже лежал, обнаженный, на столе. Четыре человека держали меня. Трое пороли. При первом ударе мне показалось, что я взлетаю под потолок. Все мое тело свела судорога. Против воли я испустил страшный крик. Затем последовал второй, третий, четвертый удар. Били не торопясь, с промежутками, так, чтобы я не терял сознания и чтобы мои нервы воспринимали каждый удар во всей его безумной остроте. Я ощущал одно жгучее желание: скорей быть мертвым, только скорей быть мертвым, быть мертвым, конец, конец!.. Тело мое стало будто чужим, удары только глухо отдавались в моей голове.

У меня больше не было сил кричать. Через некоторое время они остановились и поменялись местами. Один из них вылил мне ведро холодной воды на голову, чтобы сделать меня способным к дальнейшему восприятию. Затем они снова принялись за дело. Окончив истязание, они швырнули меня в камеру, предупредив, что сейчас поведут меня на допрос.

Что удерживало меня в эти часы от самоубийства? Это было не мужество и не трусость, и не мысль о жене и матери. Это было сознание, что в этих стенах пятьсот товарищей разделяют мою участь, это было чувство неразрывной связи с преданными партийными товарищами; это была

мысль об Эрнсте, о том молодом парнишке, о многих бледных пролетарских лицах.

На «медвежий танец» в 6 часов вечера я не смог явиться.

Когда они отперли мою камеру, я продолжал неподвижно лежать в своем углу, безразличный ко всему, что они со мной сделают.

— Встать!

Я не двигался.

— Встать! — заорал караульный и ударил меня ногой в живот.

Сопrotивление было невысмыслимо.

Я поднялся, держась за табурет.

— Почему ты не рапортуешь, свинья?

— Биллингер. Номер 880. Коммунист.

— Почему ты валяешься?

— Я не могу стоять.

— Почему не можешь?

— Я был на допросе.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я молчал.

— Ты хочешь сказать, что ты свалился с лестницы, не так ли?

Я молчал.

— Отвечай, мерзавец. Ты упал с лестницы?

— Так точно.

— То-то же!

В 7 часов раздали ужин — ломоть хлеба, смазанный салом, и коричневую жижу — «кофе».

Заклученный наполнил мою миску, стоявшую невымытой еще с обеда. Проходя мимо, он легонько подтолкнул меня, — я взглянул: это был Ганс

Выражение горести мелькнуло на его задорном лице берлинца, — так жалок был вид мой. Пытаюсь утешить меня, он сощурил левый глаз.

●
Поздно ночью—свет давно погас—начался обход.

Маленький, раскормленный начальник штурмового отряда, Отто, известный, как закоренелый пропойца, приказывал открывать перед ним одну камеру за другой. Все ближе и ближе раздавался рев этого мясника и хлопанье дверей. Наконец,— вот они. Я рапортовал.

Источая запах сивухи, он подошел и уставился на меня мутными, осоловелыми глазами:

— За что попал сюда?

— Член компартии.

— До каких пор?

— До «национальной революции».

— Почему не дольше?

Я замялся.

— Ты понял, — он говорил, тяжело напирая на каждое слово, — ты понял, что наш вождь... Кто у нас вождь?

— Адольф Гитлер.

— Правильно. Ты понял, что наш вождь, Адольф Гитлер, день и ночь трудится для того, чтобы германский народ снова стал счастливым?

— Так точно.

— Откуда ты родом?

— Из Рейнской области.

Алкоголь, вождь, немецкий Рейн, немецкое вино, белокурая девушка,— сентиментальность одолела его.

— Рейн останется германским,— продекламировал он.

— Так точно.

— И когда ты вернешься к себе на Рейн, ты будешь верным немцем.

— Так точно.

Еще немного — и он обнял бы меня! Спутники увлекли его дальше.

Ночь была ужасна. Я не мог ни сидеть, ни лежать, ни стоять. Рубашка и куртка промокли насквозь. Кожа лопалась на бесформенно распухшем теле. Я весь дрожал, как в лихорадке. Завтра они снова потащат меня на допрос. Нет спасения, нет помощи. Товарищи убиты, схвачены. Кэтэ за границей без денег. Что с ней будет? Список в квартире. Антон повесился. Почему он повесился? От отчаяния? Или они его умертвили? Мы все погибли...

Грузовики с новыми арестантами примчались во двор. Охранники встречали арестованных проклятиями и ревом и загоняли их хлыстами в камеры. Так как места не хватало, то претерпевших уже допрос согнали вместе. В мою камеру наутро впахнули двоих заключенных. Одного я не знал, другой был Ганс. Непостижимым образом ему удалось устроить так, что его поместили в мою камеру. Попав ко мне, он стал всеми возможными способами ухаживать за мной.

Он сидел четырнадцать недель в Колумбии и знал это учреждение насквозь. Для меня все охранники были равны. Я ненавидел их так сильно, что даже не различал их лиц. Он же знал каж-

дого из них и знал, как к каждому подойти. Он был одарен тем практическим умением овладеть положением, какое свойственно только пролетариям. Несмотря на дьявольский террор, на невероятно строгий контроль, ему удавалось держать связь с товарищами из других камер. Он помогал в раздаче кофе, он был участником колонны по чистке картофеля, проводившей несколько часов во дворе, он чистил офицерские мундиры охранников; повар — бывший боксер с изуродованными ушными раковинами — покровительствовал ему за то, что он, как никто, умел растапливать походную кухню. Однако, при всем том он не был подхалимом, — он оставался честным, неподкупным, классово сознательным рабочим.

Он притащил соломенный тюфяк, запачканный кровью, грязью и гноем, и настоял на том, чтобы я его использовал. Он утешал меня тем, что допрос мой окончен, раз я уже подписал протокол тайной полиции.

Он добивался того, что никому не удавалось и на что никто не отваживался. После раздачи кофе в нашем коридоре он явился с одеялом. Кто его знает, каким способом он раздобыл его!

Он объяснил мне употребление «флага»: в стене камеры торчал железный стержень, надо было его толкнуть, и тогда он, выдвигаясь противоположным концом наружу, приводил в движение маленькую дощечку на наружной стене камеры. Это и значило «выкидывать флаг». Теперь, наконец, я мог воспользоваться командой караульного.

●
Вечером этого же дня нас заставили выйти во двор и построиться в карре.

Офицер охранного отряда выкрикнул имена двух заключенных евреев. Они вышли вперед. Их лица носили свежие следы истязаний.

Одному из них на вид было около пятидесяти лет, другому — лет под тридцать.

— Ну, Шмонцес,— произнес с издевкой, в нос, начальник отряда,— кто ты по профессии?

— Писатель.

— Где же ты писал, Кон?

— В различных изданиях.

— Но-но, не стесняйся, говори!

— В «Берлинер Тагеблатт», в профсоюзной печати.

— Ага! О чем же ты писал?

— По вопросам культуры.

Громовой хохот обступивших охранников.

— Ха-ха, Мойше пишет о германской культуре!..

— Ты писал и о мире, и о Лиге наций?

— Да.

— Ты пацифист?

— Да.

— Ну, слизняк, теперь ты станешь воином. Бери метлу.

Охранники ухмылялись, радуясь предстоящему зрелищу.

— А ты, египетский сын пустыни, кто ты по профессии?

— Врач.

— Партия?

— Компартия Германии.

— Ага! Вытравливал плод у коммунистических шлюх?

Арестованный молчал.

— Поди ка сюда, Шмуль, бери свой меч.

Ему всунули в руки брусочек.

— Как только сосчитаю до трех — начинайте. Кто проиграет — того в подвал. Раз, два, три!

Арестованные стояли, не двигаясь с места.

— Живей! — заорал офицер.

Старший поднял было метлу, но снова опустил ее. Младший стоял неподвижно.

Охранники выстроились позади них с хлыстами.

— В последний раз — начинай!

Но и на этот раз ни один не шевельнулся. Тогда посыпались удары по голове, спине, шее.

— Живей, живей! — как бешеный кричал офицер.

Старший еврей начал бить. Сначала нерешительно, ужасаясь тому, что делает, потом быстрее, лишь бы избежать ударов охранников, и наконец, вне себя, с искаженным лицом, с выражением безумия в чертах.

Младший даже не поднял руку, чтобы отвести удары от головы. Он не шевелился и под свистящими хлыстами. Он стоял выпрямившись, не издавая ни звука, до тех пор, пока, наконец, не упал.

Лица стоявших кругом заключенных посерели и запали.

Наш товарищ по камере, Рихард М., сорокадвухлетний мужчина, по профессии электротехник, был в течение 20 лет членом социал-демократической партии, с 1924 года работал в берлинской транспортной компании, в последнее время был членом заводского комитета.

Это все, что можно было из него выжать.

Каждый тщательно хранил свои тайны. Ни один не доверял другому.

Ганс в силу своего темперамента, молодости и личного жизненного опыта принадлежал к тем товарищам, которые заранее склонны видеть в каждом активисте социал-демократической партии сознательного предателя рабочего класса. М. для него не существовал, он не говорил с ним ни единого слова. Если ему удавалось достать что-нибудь съестное, он делил его поровну на три части и молча подсовывал М. его часть. Иногда он отводил душу: не глядя на М., он бормотал про себя:

— «Долой Гитлера — выбирайте Гинденбурга». «Не поддавайтесь на провокацию коммунистов!»¹

Социал-демократ ни словом не отзывался.

Однажды в нашу тюрьму были доставлены бывшие социал-демократические полицейские чиновники. Охранники «снимали с них мерку» в подвале. Крики избиваемых доносились до нас, и Ганс пробормотал угрюмо:

— Это вам благодарность за ваши любезные услуги.

---

¹ Лозунги германской социал-демократической партии при последних выборах президента.

Впервые спокойствие стало покидать социал-демократа:

— Ведь вы прокладывали им дорогу! — крикнул он.

— Это вы предпочитали единый фронт с ними, чем с нами, — ответил Ганс.

Он процитировал социал-демократического депутата рейхстага Шепфлина: «Лучше десять раз с Гренером, чем один раз с коммунистами».

— Вспомните ваше «красное народное голосование», — отвечал социал-демократ.

— А кто распустил союз красных фронтовиков? Кто отдавал приказ стрелять в рабочих? Неужели нам поддерживать этих негодяев?

Полные вражды и ненависти, страдали они в одной камере, оба рабочие, оба — жертвы фашистских палачей.

— Воздушная тревога! — заорал караульный во дворе.

— Живо! На пол! Голову под табурет! — командовал Ганс.

Мы повалились плашмя на пол. Ганс схватил мою миску и нахлобучил ее мне на голову. Социал-демократ, видимо, уже был в курсе дела. Он взял свою кружку и прижал ее к носу.

Так пролежали мы, не шевелясь, до тех пор, пока рожок не протрубил конец «тревоги».

Товарищи объяснили мне, что эта демонстрация «воздушной обороны» в Колумбии-хаузе изобретена и проводится для развлечения охранников.

В эту ночь команда охранников пять раз появ-

лялась в нашем коридоре. Мы слышали, как перед одной из открытых дверей охранник кричал:

— Чорт возьми, да ведь это парень «Да здравствует Москва». Не повезло тебе, парень, что я нарвался на тебя. Помнишь, собака, улицу Вебер? Что? Теперь ты мой. Выходи-ка!

Побоями они погнали антифашистского борца по коридору, по лестнице вниз, в подвал.

На утро мы выстроились перед камерами. Караул обзревал результаты ночного обхода.

— Что с твоей головой?

— Я упал с лестницы,— отвечал высокий, худой рабочий; его испитое голодное лицо после перенесенных истязаний напоминало маску мертвеца.

— С какой лестницы? Когда?

— С лестницы, когда я выходил во двор.

— Сколько ступенек?

— Пятнадцать.

— В другой раз будь осторожнее. Понятно?

— Так точно!

Развеселившиеся караульные ухмылялись.

— Ты еврей? — обратились они к темноволосому рабочему.

— Нет.

— Это всякий может сказать. Докажи.

— Мой отец и моя мать — католики.

— Наверно крещеные евреи.

— Нет.

— Докажи,— заорал караульный. Другие охранники подошли в ожидании потехи. Рабочий молчал, не зная, что делать.

— Ты обрезанный?

— Нет.

— Расстегнись! Показывай!..

Рабочий повиновался.

— Евреи! Выступить из рядов!

Высокий белокурый человек выступил вперед.

— Леве, ты специалист по жидовским...?

— Так точно.

— Погляди ка сюда.

— Он не еврей.

— Леве, ты, видно, хочешь вызволить своего товарища по расе.

— Нет. Этот человек действительно не еврей.

— Сколько тебе еще получить в подвале, Леве?

— Двести.

— Сто скинем, если скажешь правду.

Человек подумал о подвале, о двух сотнях ударов, предстоящих ему. На сотню меньше... Он молчал.

— Ну, что скажешь?

— Я не знаю.

— Я, что-ли, должен протереть тебе глаза? — пригрозил охранник: — Говори!

— Возможно.

— Так! Теперь, братья, вы оба получите за то, что солгали! Сегодня же — в подвал!

Еще мучительней, чем самые избиения, были постоянные оповещения о новых истязаниях. Один баварец из охранного отряда возвел это в целую систему. Во время своего дежурства он вызывал тех из нас, кто был ему по какой-либо причине особенно ненавистен. Он рассматривал

свою жертву, как мясник рассматривает скотину раньше, чем ее резать,— затем он отмечал в своей записной книжке:

Номер 524 — послезавтра.

Номер 578 — будущий вторник.

Номер 619 — сегодня ночью.

Затем наступало ожидание. В уверенности, что баварец исполнит свою угрозу, заключенные ждали час за часом, день за днем появления команды и назначенных истязаний.

Безстрашные рабочие, смелые интеллигенты не выдерживали этого зверского террора.

Полковник Стеннес, бывший руководитель берлинских штурмовиков, восставший в 1931 году против Гитлера, вскрыл себе вены. Караул застиг его раньше, чем он истек кровью. Его перевязали. Так как он пытался сорвать повязку, то в его камеру посадили другого заключенного для непрерывного наблюдения за ним.

Сорокасемилетний рабочий металлист, переносивший в течение четырех лет ужасы мировой войны, не вынес пребывания в фашистском застенке и повесился однажды ночью незаметно для товарища по камере.

Никогда в жизни я не видел столько муки, смертельного страха, отчаяния и ужаса.

Казалось, этому не будет конца. Писать и получать письма было запрещено; никто не знал, в чем его обвиняют и что ему предстоит. Мы были лишены даже тех примитивнейших прав, которыми пользуются уголовные преступники.

Никогда я не думал, что люди способны на такие гнусности.

А за стенами нашей тюрьмы «новая Германия» справляла праздник за праздником. Во дворе заключенные выбивали и чистили офицерские мундиры охранников, натирали их высокие сапоги, мыли краденые автомобили до ослепительного блеска.

Ежедневно в Колумбия-хауз доставляли новых заключенных, «воспитывали» из них «добрых немцев», умерщвляли.

Казалось, этому не будет конца.

●
Не знаю, что бы со мной стало, если бы не Ганс. Он умалял частично ужасы этого ада, вскрывая передо мной их механизм.

Колумбия принадлежала к «полицейскому отделению особого назначения». Это был основной отряд тайной государственной полиции Геринга. Отряд состоял из специально подобранных и вымуштрованных людей, склонных видеть в каждом коммунисте, социал-демократе, пацифисте и еврее — сброд, для которого и корки хлеба жалко. Кормить нас вместо того, чтобы истреблять, как чуму, казалось им недопустимым снисхождением.

По мере сил и возможностей они старались из соображений внешнеполитической осторожности замаскировать свою кровавую работу. Это были высококвалифицированные специалисты. Они умерщвляли, не оставляя доказательств, они предоставляли заключенным завершать дело и самостоятельно лишать себя жизни; они в совершенстве владели техникой, истязая жертву так, что на теле не оставалось внешних следов.

Многочисленные заболевания «триппером», обозначенные на дверях камер, были на самом деле повреждениями почек и половых органов в результате избиений в подвале.

Надпись «Внимание» означала, что заключенный смертельно болен после пыток и что санитару надлежит наблюдать за ним.

Ганс раскрыл мне тайну хорового кружка и пластыря.

Отделение особого назначения культивировало германскую народную песню. Ежедневно во дворе раздавалось:

„Вот едут три рыцаря со двора,—клинг кланг.
Красотка печальная дома одна,—клинг кланг“.

Этой «культурно-просветительной» работой охранники преследовали практическую цель: хоровой кружок выступал в то время, как в подвале шла работа подготовительной команды. Хоровое пение лучше всего заглушало крики и стоны пытаемых. В течение дня под эти звуки шла подготовка к допросу упорных заключенных. Но если хоровой кружок мобилизовался в 8 часов вечера, это было в интересах «чистого искусства», для услаждения сердец охранников. Должен добавить, что после переоборудования подвала, когда были установлены двойные двери и замурованы все окна, хор выступал почти исключительно вечером. Тогда, с чисто германской сентиментальностью, охранники слушали свою любимую песню:

„Если у тебя еще есть мать,—
благовари бога и будь доволен:
Не всем на земле дано это счастье“.

У очень многих заключенных я заметил пластырь, наклеенный неизменно на левом виске. После двух недель впервые была открыта одновременно с остальными камерами угловая в нашем корпусе. В ней сидел парнишка, захваченный во время перевозки революционной литературы. Его лицо было бело и уши прозрачны, как у мертвеца. На левом виске был наклеен пластырь тюрьмы Колумбия.

Охранный отряд в Колумбии имел собственные спортивные правила. Считалось хорошим тоном свалить одним ударом в висок каждого, даже самого крепкого заключенного. Этот удар, сотни раз изученный на практике, имел только одно неприятное свойство: он рассекал лицо жертвы до кости и окрашивал висок в черный цвет. Но на помощь приходил разбитной санитар из охранников с заготовленными кусками пластыря.

— Вот. Теперь еще только три мазка иода на спину и ты годен к употреблению,—так ободрял он своих пациентов.

«Мазками иода» называли удары тяжелыми кожаными бичами, которые в германской артиллерии употребляются для лошадей.

Употребление бича также подчинялось известным правилам, возникшим из частых упражнений, из любви к этому делу и из силы, бьющей через край. Лучшей славой пользовался тот, кто умел нанести возможно большее количество сильнейших ударов по обнаженному телу заключенного так, чтобы кожа не лопнула раньше време-

ни. Резиновой дубинки, которая значительно легче достигает этих результатов, в Колумбии не применяли.

Двадцать восемь черточек уже было выцарапано на моем календаре, когда под вечер караульный заорал:

— Номер 880, выкидывай флаг.

Я выдвинул стержень.

— Вот увидишь — тебя выпустят, — шептал мне Ганс.

Нашу камеру отперли.

— Выходи!

Я даже не успел кивнуть моим товарищам.

В коридоре стояло десять заключенных, некоторые дрожали от волнения и надежды. Толстый Ст.—одна из популярнейших фигур революционного рабочего движения в Берлине — как раз снимал свою рубашку «болле». До этого я его не видел. Он спрашивал хладнокровно одного из охранников:

— Куда мы теперь направляемся?

Охранник пожал плечами.

После бесконечного ожидания нам вернули наши вещи. Каждый из нас был уверен, что это освобождение. Мой сосед рылся в своем мешке и ворчал:

— Чего-нибудь нехватает? — спросил караульный.

— Я не вижу своего табака, — ответил старик сердито.

— Тебе он больше не понадобится, — сказал

охранник. Но никто из нас не поверил этой угрозе.

Главное было: мы выходим из этого ада. Хуже его ничего не могло быть.

Настала ночь, когда мы, наконец, сели во дворе на грузовик. Мы все еще надеялись на освобождение.

Семеро охранников, вооруженных ружьями и револьверами, расселись вокруг нас. В последнюю минуту в машину подали еще несколько хлыстов. Тогда, наконец, надежда погасла, и каждый из нас подумал:

— Теперь они застрелят нас «при попытке к бегству».

Перед тем, как машина тронулась, начальник отряда, севший впереди, рядом с шофером, обратился к нам с речью:

— Если теперь, при проезде через город, кто-нибудь из вас сделает хоть одно подозрительное движение — будем стрелять. Этот мерзавец не будет больше годен ни для какого гроба, могу вам сказать об этом по секрету.

Здесь, как и позднее в лагере, чувствовалась нервозность охранников, опасавшихся, что возмущенное население насильно освободит заключенных при перевозке.

Машина бешено помчалась через город, по возможности избегая людных улиц.

Нас доставили в тюрьму Плетцензее.

•

Через три дня меня и 127 других заключенных отправили в концентрационный лагерь Губертсгоф.

ЧИТАТЕЛЬ, НАПИШИ:

1. Поправилась ли тебе эта брошюра? Чем именно?
  2. Какие ты в ней нашел недостатки?
  3. Понятно ли она написана? (Укажи непонятные места, выражения, слова).
  4. Что тебе дала эта брошюра? Какие ты из нее сделал выводы?
  5. О чем ты еще хотел бы узнать в добавление к прочитанному?
- В письме укажи свой возраст, профессию и адрес.
-

Адрес изд-ва:

Москва, 9, ул. Огарева, 4. Редакция
изд-ва ЦК МОПР СССР.

10218

КАРЛ БИЛЛИНГЕР

АРЕСТАНТ

№ 880

(Перевод с немецкого)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК МОПР СССР
МОСКВА

1935